

О. Н. Иванищева

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск

Презрительное в русской лингвокультуре

В статье рассматривается презрительное как лингвистический и культурный феномен в русской лингвокультуре. Показано, что ведущими компонентами в определении степени инвективности слова с пометой «презрительное» являются «крайнее», «отсутствие» и «отношение, основанное на признании чего-л.». Представлен глубинный показатель инвективности лексики русского языка — интерпретация слов с точки зрения фоновых знаний. Доказано, что презрение как специфическое проявление враждебности проявляется в оценке внешних и внутренних качеств человека, в оценке явлений, прежде всего явлений советской жизни (а точнее, советского прошлого).

Ключевые слова: презрительное, инвективность, лингвистический и культурный феномен.

O. N. Ivanishcheva

Murmansk Arctic State University, Murmansk

Scornful in the Russian Linguistic Picture of the World

The article considers scornful as a linguistic and cultural phenomenon in Russian linguistic picture of the world. It is shown that the leading components in determining the degree of invectivity of a word marked "scornful" are "extreme", "absence" and "attitude based on the recognition of smth." A main indicator of invectivity of a word is presented — the interpretation of words in terms of background knowledge. It is proved that scornful as a specific manifestation of hostility is manifested in the assessment of the external and internal qualities of a person, in the assessment of phenomena, especially the phenomena of Soviet life (the Soviet past).

Keywords: scornful, invectivity, linguistic and cultural phenomenon.

Введение

Презрение считается эмоцией враждебности наряду с отвращением, гневом, злостью, пренебрежением, ненавистью, досадой, раздражением, обидой и другими. Эти эмоции лежат в основе инвективного (оскорбительного) контекста/дискурса. О. В. Саржина от-

мечает, что спецификой инвективного дискурса является высокая степень отрицательной экспрессивности, а его основной интенцией — интенция воздействия на поведение, эмоциональное состояние и ценностную парадигму объекта-адресата. Кроме того, контекст с эмоцией презрения относится к проактивной инвективе, которая представляет собой оскорбительное вербальное поведение с целью достижения различных внешних выгод [1, с. 258–265].

Концепт «презрение» включает в себя набор установок и стереотипов, которые в данной лингвокультуре выражают отклонение от нормы в отрицательную сторону [2; 3]. Обнаружить набор таких отклонений можно, выявив лексику со стилистической пометой «презрительное» в словаре. **Актуальность** такого исследования заключается не только в углублении знаний о системе оценок у данного народа, уточнении картины мира, но и в определении показателей и целей враждебности и инвективности. В последнее время исследователи все чаще приходят к мысли о том, что национально специфичным в содержательной структуре слова может быть оценочное и образное значение. Этот аспект изучения культуры народа вообще и ее яркого выразителя — лексической системы языка данного народа — относится к числу наиболее востребованных для изучения коммуникативных установок с целью решения конфликтных ситуаций.

Цель статьи — определить специфику понятия «презрительное» в русской лингвокультуре, выделив набор установок и стереотипов, имеющих языковое выражение.

В качестве **методов** исследования применялся метод сплошной выборки, компонентный и культурологический анализ. Лексемы с пометой «презрительное» отбирались методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» [4]. Выбор словаря обусловлен тем, что этот справочник по современному русскому языку является универсальным, продолжает традиции отечественной академической лексикографии (см., например: [5, с. 24]). Компонентный анализ применялся при анализе лексического значения слов. Культурологический анализ включал в себя выявление культурного компонента слова, в данном контексте культурно-коннотативного компонента, «отягощенного» культурными стереотипными ассоциациями.

Материалом исследования являются 69 лексем с пометой «презрительное». В статье, кроме словаря [4], использованы примеры из Национального корпуса русского языка [6]. Анализ пока-

зал, что лексика с эмотивной пометой «презрительное» имеет разный потенциал и разные основания создавать инвективный дискурс. Поэтому обращение к такой лексике дает богатый материал для выявления моделей отклонения от нормы, а значит, стереотипов поведения и оценки в русской лингвокультуре. Кроме того, национальная специфичность лексики в настоящее время не вызывает сомнений, а общим местом исследований является мысль, что существуют разные источники национально-культурной специфики. Культурная коннотированность данного пласта лексики, которая отождествляется с понятием «национальная специфичность», создается за счет действия культурного компонента значения, который несет в себе культурологическую информацию. Непосредственная связь между языковой единицей и культурой, образом жизни, национальным характером заключается в том, что язык не просто отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет и мировоззрение, но и хранит накопленный им культурный пласт, в который входят языковые структуры, предполагающие наличие социальных знаний, без которых нельзя ни создать языковую единицу, ни понять ее.

Новизна исследования заключается в культурологическом подходе к анализу данного языкового материала. Среди работ, рассматривающих слова с эмотивными пометами, отмечаются исследования, которые выделяют тематические группы слов с пометой «презрительное» в разных словарях современного русского языка, морфологические показатели эмотивности таких слов (обычно суффиксы). Ученые отмечают отсутствие единой четкой системы в выделении и расстановке помет такого типа в словарях, высказывается мнение, что презрительные и бранные слова близки, но отличаются по степени эмоциональности. Исследователи критикуют словари за отсутствие объективных показателей для расстановки помет, а проводимые ими психолингвистические эксперименты доказывают зависимость такой расстановки от контекста и ситуации, отмечая подчас неверные факты с точки зрения психологии восприятия слов носителями русского языка. Отмечается, что часто за эмоционально-экспрессивную окраску принимается само значение слова, которое влияет на определение стилистической окрашенности, но не подменяет его (см., например: [7; 8; 9]). В нашем исследовании помета «презрительное» представляется как внешний критерий выделения **объекта** — инвективной лексики. Основным **предметом** исследования является глубинный показатель ее

инвективности, а именно: интерпретация слов с точки зрения фоновых знаний, бытующих в данном национально-культурном образовании, которые мы, вслед за О. С. Ахмановой, определяем как общий фонд, который позволяет говорящим на одном языке, то есть пользующимся одними и теми же лексическими, грамматическими и стилистическими ресурсами, понимать друг друга; как обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, которое является основой языкового общения [10, с. 498].

Основная часть

«Презрительное» как лингвистический феномен в современном русском языке

Лексема «*презрительное*» означает «*наполненный презрением*» [4, с. 963], а «*презрение*» — «*чувство крайнего неуважения к кому, чему-л.*» [4, с. 963]. *Неуважение* — *отсутствие должного уважения к кому-, чему-л.; непочтительность* [4, с. 644]. *Уважение* — 1) *почтение, почтительное отношение, основанное на признании чьих-л. заслуг, качеств, достоинств и т. п.*; 2) *уважительное отношение к законам, порядкам, правилам, интересам и чувствам других людей и т. п.* [4, с. 1365]. *Почтение* — *глубокое уважение* [4, с. 949]. В ситуации круговой дефиниции можно выделить следующие основные компоненты лексического значения слова «*презрительное*»: *крайнее* (сильное, исключительное [2, с. 465]); *отсутствие; отношение, основанное на признании кого-, чего-л.* Первые два элемента («*крайнее*»; «*отсутствие*») универсальны, третий компонент («*отношение, основанное на признании кого-, чего-л.*») варьируется: «*отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.*» (*бурбон* — грубый и невежественный (обычно заносчивый) человек [4, с. 104]) или «*отношение субъекта речи к кому-, чему-л.*» (*пачкотня* — неумело, небрежно, грязно исполненная работа (преимущественно о нарисованном, написанном); *мазня, маранье* [4, с. 788]).

Посмотрим, как эти элементы представлены в лексических значениях слов, отмеченных в словаре как «*презрительное*».

В анализируемом материале были выделены следующие группы слов с пометой «*презрительное*»:

1. Группа лексем, у которых в лексическом значении актуализированы компоненты (непосредственно или опосредованно) «*крайнее*» и «*отсутствие*», например: *безмозглый* — очень глупый, бестолковый [4, с. 67] («*крайнее*» — очень, «*отсутствие*» — отсутствие ума); *бесхребетный* — не имеющий твердого характера; беспринцип-

ный [4, с. 76] («отсутствие» — отсутствие характера, принципов); *бульварщина* — бульварная литература [4, с. 103] от *бульварный* (пре-небр.) (рассчитанный на невзыскательный вкус; низкопробный, пошлый (о произведениях литературы [4, с. 102]) («крайнее» — низкопробный (очень); «отсутствие» — отсутствие вкуса); *дикарство* — некультурность, невежественность [4, с. 258] (компонент «крайнее» выделяется при анализе мотивирующей основы «дикарь» < «дикий» (3 зн. — очень сильный по степени проявления, чрезмерный, переходящий границы нормального, обычного [2, с. 258]; «отсутствие» — отсутствие культуры (5 зн. — просвещенность, образованность, начитанность [4, с. 478])). Компонент «отношение, основанное на признании кого-, чего-л.», в данной группе слов представлен вариантом «отношение субъекта речи к кому-, чему-л.» и реализуется в употреблении слова в ситуации, или в контексте.

2. Группа лексем, в лексическом значении которых актуализирован компонент «отношение, основанное на признании кого-, чего-л.» («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.»), представлена в словаре дефинициями «N — это» (2а) и «N — о ...» (2б). К группе 2а мы относим и действие, производимое данным субъектом.

Например:

(2а) *лизоблюд* — человек, который подобострастно, униженно прислуживает кому-л. из мелких, корыстных побуждений [4, с. 496] (ведущим компонентом в значении этого слова является «отношение, основанное на признании кого-, чего-л.» («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.») (прислуживает), дополнительными — «крайнее» (униженно) и «отсутствие» (выделяется методом от противного: мелкие, корыстные побуждения ≠ добрые побуждения)); то же: *лизоблюдничать* — быть лизоблюдом, вести себя как лизоблюд [4, с. 496]; *отребье* — деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества [4, с. 759], *подонки* — деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества [4, с. 875] («крайнее» (разложившиеся); «отсутствие» (деклассированные); «отношение, основанное на признании кого-, чего-л.» («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.») (преступные)); *ирод* — мучитель, изверг [4, с. 398] («крайнее» (изверг — жестокий человек [4, с. 377]); «отношение, основанное на признании кого-, чего-л.» («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.») (причиняющий муки, сильное физическое страдание) [4, с. 563, 565]); *плюгавый* — невзрачный, жалкий на вид (о человеке),

плюгаш — невзрачный человек [4, с. 846] («отсутствие» (невзрачный — непривлекательный, некрасивый [4, с. 614]); «отношение, основанное на признании кого-, чего-л.» («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.») (жалкий на вид)).

(26) *вельможа* — о самодовольном, надменном человеке (обычно администраторе, чиновнике) [4, с. 117]; *дылда* — о человеке, не соответствующем в умственном отношении степени своего физического развития [4, с. 291]; *золотопогонник* — об офицере царской армии [4, с. 370]; *искариот* — о человеке, который ради денег способен на предательство, злодеяние и т.п. [4, с. 398]; *мразь* — 1. о ком-л. ничтожном, презренном, дрянном; 2. *бранно*. о ком-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев [4, с. 561]; *недобиток* — о том, кого не добились [4, с. 618]; *пигмей* — о ничтожном человеке, ничтожестве [4, с. 830]

Особенно четко представлена разница в выделении способов определения инвективности в многозначных лексемах, где дефиниции разных значений относятся к разным выше представленным группам, например:

Политикан — 1. Беспринципный политический деятель; интриган (группа 1). 2. О человеке, проявляющем ловкость и предусмотрительность в отношениях с людьми для достижения своих целей (группа 26) [4, с. 902]. В первом значении оскорбительным слово может считаться по причине присутствия компонентов лексического значения («крайнее», «отсутствие», «отношение, основанное на признании кого-, чего-л.» («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.»)), а во втором значении — по наличию стилистической пометы «презрительное».

«Презрительное» как культурологический феномен с точкой зрения носителя русской лингвокультуры

С позиции культурологического подхода слова со стилистической пометой «презрительное» разделяются на две группы: с ярко выраженной и скрытой отрицательной эмоциональной оценкой.

Слова, отмеченные ярко выраженной отрицательной эмоциональной оценкой, являются оскорбительными в любом контексте, так как инвективность содержится в лексическом значении слова, например: *безмозглый* — очень глупый, бестолковый [4, с. 67]; *дикарство* — некультурность, невежественность [4, с. 258]; *крючковорство* — намеренное использование мелочей и различных формальностей для затягивания и запутывания судебных и админи-

стративных дел [4, с. 476]. Слова этой группы усиливают отрицательную характеристику человека, определяя его роль в обществе как изгоя: *ворьё* — воры [4, с. 151]; *барыня* — о женщине, ведущей праздный образ жизни, пренебрегающей трудом [4, с. 61]; *беляк* — о белогвардейце [4, с. 71]; *отребье* — деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества [4, с. 759].

В анализируемом материале была выявлена тенденция формирования компонента «инвективность» в результате употребления слова в функции номинации (дефиниция типа «о человеке...»). Дефиниция этого типа является когнитивной по своей сути, так как отражает опыт носителя языка (ср.: так говорят о том, кто...; так говорят о...): *дылда* — о человеке, не соответствующем в умственном отношении степени своего физического развития [4, с. 291]; *баба* — о робком, слабохарактерном мужчине, мальчике [4, с. 54]; *барыня* — о женщине, ведущей праздный образ жизни, пренебрегающей трудом [4, с. 61]; *вельможа* — о самодовольном, надменном человеке (обычно администраторе, чиновнике) [4, с. 117]; *дикарь* — о некультурном, невежественном человеке [4, с. 258]; *искариот* — о человеке, который ради денег способен на предательство, злодеяние и т.п. [4, с. 398]; *мразь* — о ком-л. ничтожном, презренном, дрянном [4, с. 561]; *перемётный* — *сума переметная* (о том, кто легко меняет свои убеждения, переходят из одного противоборствующего лагеря в другой [4, с. 810]; *пигмей* — о ничтожном человеке, ничтожестве [4, с. 830]; *серятина* — 1. об очень скучном, неинтересном, необразованном человеке. 2. о том, что вызывает скуку; о чем-л. неинтересном, нудном по содержанию [4, с. 1180]; *скобарь* — о грубом, невоспитанном человеке [4, с. 1197]; *скот* — о грубом, низком, подлом человеке [4, с. 1201]; *совдепия* — 1. о Советском Союзе, Советской власти. 2. о том, что было характерно для Советского Союза. [4, с. 1225]; *совок* — 1. о Советском Союзе, Советской власти. 2. о гражданине Советского Союза; о том, у кого сильны привычки и навыки, сложившиеся в условиях господства коммунистической идеологии [4, с. 1227]; *трухляк* — о ненадежном, способном на предательство, подлость человеке [4, с. 1349]; *черные* — о людях с темным цветом кожи (обычно о неграх) [4, с. 1474]; *чучело* — о неряшливо, нелепо одетом или грязном человеке [4, с. 1487].

Анализ материала показал, что понятие «презрительное» в русской лингвокультуре распространяется на следующие группы слов:

- во-первых, большая группа слов, обозначающих отрицательные качества человека или относящихся к его поведению, не соот-

ветствующему нормам, — характер (*баба, переметный, потаскун, скобарь, скряга, слякоть, трухляк*); склад характера и/или ума (*безмозглый, бесхребетный, серятина, совок*); физические характеристики (*дылда, плюгавый, плюгаш, чучело*); поведение (*бурбон, барыня, вельможа, лизоблюд, политикан, предатель, приспособленец, прихлебала, стукач, торгаш, чинодрал, чиновёр, ирод, искариот*); занятие (*ворьё, ворюга, крючоктвор, офицерня, политиканство, приспособленчество, шкурничество, щелкопёр, прихлебательство, пьянчуга, недобиток, отребье, рвань, свора*); презрительные названия (*кацап, черные, скот, скотина, черномазый*);

- во-вторых, слова, представляющие отрицательную оценку и/или характеристику внешних условий жизни в обществе и/или явлений, — советские/антисоветские реалии (*совдепия, золотопогонник, полицай, советчина, совковый, буржуй, буржуйский*); явления (*бульварщина, дикарство, конъюнктуращина, пачкотня, самодельщина, чистоган*);

- в-третьих, слова, представляющие общую отрицательную характеристику (*дерьмо, мразь*).

Все вышеперечисленные слова оцениваются как отрицательно-оценочные с учетом фоновых знаний носителя языка. В этом смысле в них отмечается скрытая отрицательная эмоциональная оценка. Так, чтобы оценить слова «совдепия», «совок», «золотопогонник», «полицай» как презрительную лексику, необходимо обладать информацией, которая формируется в результате социологизации. Например, носители русской культуры представляют слово «совок» как оскорбительное, ясно осознавая подтекст подобных высказываний: «*Например, что во внешней, а равно и во внутренней политике России — СССР было проявлением коммунистического мессианства, что — обыкновенным империализмом, что — еще более обыкновенным инстинктом государственного самосохранения. Вместо этого — обобщенное проклятие «совок» (вар.: «коммунизм», «большевизм»), предполагающее принципиальную нерасчленимость амальгамы. С такой изрядной нищетой философии рассчитаться с наследием СССР невозможно»* (М. Соколов. Многообразный Советский Союз // Эксперт. 2014. [6]); *А попробуйте-ка вообразить себе «двойное гражданство» (советское и, скажем, израильское или американское) во времена Брежнева? Так что в своем преследовании двойного гражданства наш друг Ниязов а) совершенно не оригинален, выступает не как «восточный сатрап», а как банальнейший «совок» и б) вполне гуманен — в недавнем прошлом в Москве*

с такими вот «двойными» расправились бы куда свирепее, чем это сегодня пытаются делать в Ашхабаде. Это — принципиально важный момент. Ниязов действует так уверенно и свободно не только потому, что держит Россию за газовую артерию (Л. Радзиховский. Государственный престиж // Время МН. 2003 [6]). В отрицающем презрении контексте презрительный потенциал слова выявляется еще ярче: «Хорошее слово! Совок? Прикусите язык! Советский человек был очень хороший человек, он мог поехать за Урал, в пустыню — ради идеи, а не за доллары» (С. Алексиевич. Время second-hand // Дружба народов. 2013. [6]); Кстати, я ненавижу слово «совок» и перестаю разговаривать с человеком, употребляющим этот горчайший термин, выдуманный рабами. Так вот, мне пригодился советский опыт — выносливость, умение довольствоваться малым. Ведь за всем — готовность пренебречь материальным и стремиться к духовному (Г. Хабаров. Смесь французского с красноярским // Совершенно секретно. 2003.07.07 [6]).

Выводы

«Презрительное» как лингвистический и культурный феномен представлено в русском языке в лексемах с пометой «презрительное», с помощью дерогативных суффиксов (*офицерня, ворьё, ворюга*), а также при использовании в презрительном значении имен собственных (*ваня, степа, марушка, дунька, матрена*) (см. об этом: [11]). Кроме того, презрение выражается в русском языке и лингвокультуре с помощью междометий (*ффф*) и невербальных средств — презрительной мимики, например (см.: [4]).

Понятие «презрение» включает в себя набор стереотипов, которые выражают отклонение от нормы в отрицательную сторону. Лингвистический и культурологический анализ лексем с пометой «презрительное» в современном русском языке позволил обнаружить набор таких стереотипов.

Компонентный анализ лексики показал, что ведущими компонентами в определении степени инвективности слова с пометой «презрительное» являются «*крайнее*», «*отсутствие*» и «*отношение, основанное на признании чего-л.*». В семантике термина «*презрительное*» акцентируется крайняя степень неуважения, отношения к лицу. «Вектор» стилистической пометы «*презрительное*» направлен в сторону «*он ниже других*». Под «я» здесь выступает субъект речевого действия, под «он» — партнер речевого действия. Слова со стилистической пометой «*презрительное*» усиливают отрица-

тельную характеристику человека, определяя его роль в обществе как изгоя. Ведущим семантическим компонентом термина «*презрительное*» является компонент «*поставить в более низкое положение одного по отношению к другому*».

Культурологический анализ лексики с пометой «презрительное» показал, что интерпретация слов с точки зрения фоновых знаний, бытующих в данном национально-культурном образовании, представляет глубинный показатель ее инвективности. С позиции культурологического подхода слова со стилистической пометой «*презрительное*» разделяются на две группы: с ярко выраженной и скрытой отрицательной эмоциональной оценкой. Слова, отмеченные ярко выраженной отрицательной эмоциональной оценкой, являются оскорбительными в любом контексте, так как инвективность содержится в лексическом значении слова. Скрытая отрицательная эмоциональная оценка обнаруживается при учете фоновых знаний носителя языка. Чтобы определить инвективный потенциал слов в таком случае, необходимо обладать информацией, которая формируется в результате социологизации человека в данном обществе. В русской лингвокультуре презрение как специфическое проявление враждебности, социальное отвращение к человеку/поступку/явлению (см. об этом: [13, с. 209]) проявляется в оценке внешних (*рост, одежда, вид в целом*) и внутренних качеств человека (*слабохарактерный, грубый, невежественный, заносчивый и корыстолюбивый*); в оценке явлений (*некультурность, формализм, преступность, небрежность, беспринципность, приспособленчество*), прежде всего явлений советской жизни (а точнее, *советского прошлого*). Более глубокое осмысление национальной специфики *презрительного* требует масштабного сопоставительного анализа языковых и внеязыковых явлений в разных культурах.

Библиографический список

1. Саржина О. В. Оскорбление словом (инвектива) как агрессивный дискурс // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово-Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 257–267.
2. Лескина С. В. Концепты безразличия и презрения как составляющие пейоративной коннотации английских и русских фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2 (2). С. 65–67.
3. Ботвинко-Ботюк Е. Н. Аксиологические предпосылки изучения высказывания презрения // Наука и современность. 2013. № 23. С. 155–159.

4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
5. Кочергина К. С. Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 154–173.
6. Национальный корпус русского языка. URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&req=%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BA (дата обращения: 11.10.2019).
7. Емельянова О. Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики): монография. Красноярск: Сиб. Федер ун-т, 2013. 315 с.
8. Пурицкая Е. В., Панков Д. И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23–42.
9. Тихонова М. А. Аксиология в контексте лексикографии: модель «Словаря оценочной лексики русского языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 26 с.
10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2004. 269 с.
11. Рамазанова А. Х. Лексико-семантические средства выражения значения презрения в разносистемных языках // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2010. № 5 (79). С. 156–160.
12. Куличенко Ю. Н. Невербальные средства выражения презрения в русском и английском коммуникативном поведении // Наука и современность. 2011. № 8-3. С. 41–46.
13. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2013. 783 с.

References

1. Sarzhina O. V. Oskorblenie slovom (invektivna) kak agressivnyj diskurs [Insulting a word (invective) as an aggressive discourse]. *Yurislingvistika-8: Russkij yazyk i sovremennoe rossijskoe pravo: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* / pod red. N. D. Goleva. Kemerovo-Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2007, pp. 257–267. (In Russ.)
2. Leskina S. V. Koncepty bezrazlichiya i prezreniya kak sostavlyayushchie pejorativnoj konnotacii anglijskih i russkih frazeologizmov [The concepts of indifference and contempt as components of the paejoint connotation of English and Russian phraseological units]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2008, no. 2 (2), pp. 65–67. (In Russ.)
3. Botvinko-Botyuk E. N. Aksiologicheskie predposylki izucheniya vyskazyvaniya prezreniya [Axiological prerequisites for the study of the expression of contempt]. *Nauka i sovremennost'*, 2013, no. 23, pp. 155–159. (In Russ.)

4. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language] / Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Saint-Petersburg, Norint, 2000. 1536 p. (In Russ.)
5. Kochergina K. S. Teoriya i praktika primeneniya slovarej v kachestve istochnikov dlya lingvisticheskoj ekspertizy [Theory and practice of using dictionaries as sources for linguistic examination]. *Voprosy leksikografii*, 2019, no. 15, pp. 154–173. (In Russ.)
6. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National Corps of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&req=%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BA (accessed 11.10.2019).
7. Emel'yanova O. N. *Stilisticheskaya informaciya v tolkovom slovare (analiticheskij obzor problematiki)* [Stylistic information in the explanatory dictionary (analytical review)]. Krasnoyarsk, Sib. Feder un-t, 2013, 315 p. (In Russ.)
8. Purickaya E. V., Pankov D. I. Normativno-stilisticheskaya harakteristika leksiki sovremennogo russkogo yazyka: vozmozhnosti opisaniya v slovarnoj baze dannyh [The normative and stylistic characteristic of the vocabulary of the modern Russian language: the possibilities of description in the dictionary database]. *Voprosy leksikografii*, 2018, no. 13, pp. 23–42. (In Russ.)
9. Tihonova M. A. *Aksiologiya v kontekste leksikografii: model' «Slovarya ocenochnoj leksiki russkogo yazyka»*. Avtoref. cand. diss. [Axiology in the context of lexicography: model of the Dictionary of Assessment Vocabulary of the Russian Language. Abstr. cand. diss.]. Moscow, 2016. 26 p. (In Russ.)
10. Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 2-e izd., stereotip. Moscow, URSS, 2004, 269 p. (In Russ.)
11. Ramazanova A. H. Leksiko-semanticheskie sredstva vyrazheniya znacheniya prezreniya v raznosistemnyh yazykah [Lexico-semantic means of expressing the meaning of contempt in multisystem languages]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologiya*, 2010, no. 5 (79), pp. 156–160. (In Russ.)
12. Kulichenko Yu. N. Neverbal'nye sredstva vyrazheniya prezreniya v russkom i anglijskom kommunikativnom povedenii [Non-verbal means of expressing contempt in Russian and English communicative behavior]. *Nauka i sovremenost'*, 2011, no. 8–3, pp. 41–46. (In Russ.)
13. Il'in E.P. *Emocii i chuvstva* [Emotions and feelings]. 2-e izd. Saint-Petersburg, Piter, 2013, 783 p. (In Russ.)